

Елена Съянова

Русский Фауст

Александр Пушкин

Имя этого человека до сих пор хранит налет таинственности, неразгаданности, хотя почти все факты его биографии известны историкам. Возможно, остаться своеобразной загадкой среди ярких, хорошо известных персонажей петровского времени пожелал он сам? Но возможно, и те сферы деятельности, в которые «залетал» этот «птенец гнезда Петрова», сами

набросили мистическую тень на его личность. Еще при жизни его называли «колдуном», «чернокнижником», «чародеем».

А возможно, будучи одарен особыми способностями и познаниями, он и впрямь проник в какие-то «сферы», именуемые в его время «тайноведением». Я все же склоняюсь к мысли, что во всех историях, связанных с именем

этого человека, есть изрядная доля лукавого розыгрыша, мистификации, желаниа подурочить невежд. Этим, кстати, отличались многие образованные люди XVII—XVIII веков.

Времена были особые. С одной стороны — еще дремучие, диковатые, с туманом в головах людей и страхом перед стихиями природы. С другой — времена прорыва, озаряемые, как всполохами, чередой научных догадок, открытий, могучих изобретений. Человек петровского времени словно бы стоял перед множеством уже обозначенных в эпоху Возрождения дверей, перед соблазном приоткрыть хотя бы одну такую дверку. Петр Первый более всех остальных был человеком «прорыва» — если бы не управление «поднятой на дыбы» Россией, забиравшее массу времени и сил, он бы к «мореплавателю» и «плотнику», коими являлся, присоединил и «звездочета», и алхимика, и астролога...

Что делал Петр на третьем этаже Сухаревой башни, в обществе своих ближайших сподвижников — Меншикова, Прокоповича, Лефорта, Брюса... — в обществе, названном «Нептуновым»? Было ли оно действительно своего рода тайным государственным советом, созданным для решения самых сложных и неоднозначных вопросов управления, когда помимо здравого смысла требовалась еще и подсказка свыше? «Свыше» в данном случае надо понимать буквально — от небесных тел, от расположения звезд и прохождения планет, иными словами, от астрономических и астрологических «подробностей»? Или это всего лишь легенда, продолжением которой служат измышления, например, о том, как на этой башне высчитывались дни, благоприятные для сражений, находились ключи к раскрытию заговоров...

Если руководствоваться фактами, то известно только то, что на третьем этаже Сухаревой башни (в первом были ворота для проезда, а во втором — навигационная школа и фехтовальный зал) была оборудована первая в России профессиональная обсерватория. Оборудовал ее и занимался в ней наблюдениями за небом Яков Вилимович Брюс

(1670—1735), обрусевший шотландец по происхождению.

Тот самый, о котором и идет речь, — «звездочет» и «чернокнижник», лукавый «колдун», напустивший вокруг своего имени столько тумана, что до сих пор ни одно его жизнеописание не обходится без добавления занимательных легенд.

«...он знал все травы этикие тайные и камни чудные, составы разные из них делал, воду даже живую произвел... А еще знал, сколько звезд на небе, сколько раз колесо повернется, пока до Киева телега довежет, сколько гороху рассыпано мог сразу сказать...».

Так охарактеризовал Брюса со слов калужских крестьян писатель, исследователь русского быта М.Б. Чистяков. Он же записал и их рассказы об «экспериментах» чернокнижника на себе самом: якобы велел барин себя разрубить на куски, а затем живой водой поливать. И начало уже срастаться тело, да тут царь призвал своего чародея ко двору. А тот прийти, естественно, не мог; пришлось царю самому к нему идти. Пришел, глядит, а «— тело Брюсово уж совсем срослось и ран не видно; он раскинул руки, как сонный, уже дышит и румянец играет на лице». Православный царь, конечно, возмущился и велел без промедлений закопать это грешное тело в неосвященной земле.

И подобное сочинялось о человеке, который объяснил Петру, когда тот показывал ему нетленные мощи святых угодников в Новгороде, откуда на самом деле эти мощи берутся, что это — результат влияния климата, свойств почвы, в которой они лежали, воздержания при жизни, а главное — секретов бальзамирования!

Или вот еще: якобы Брюс так точно — астрологически — рассчитал начало противострелецкой операции для юного Петра, что тот смог без труда подавить бунт и заточить Софью.

Одоевский в повести «Саламандра» и Лажечников в незавершенном романе «Колдун на Сухаревой башне» тоже внесли свою лепту в мифологизацию образа Якова Брюса.

Таким образом, рассказ о Брюсе вполне мог бы носить название

«Первый российский придворный астролог» или «первый российский экстрасенс». Но для личности Брюса это мелко, и годится лишь в качестве дополнения.

Из слова буквы не выкинешь... Главное его дело, которое он успешно совмещал с государственной и военной службой, нужно назвать словом, которое происходит от греческого «astroN» – звезда. Нарочно выделяю букву N, которую в данном случае не следует выкидывать из слова, чтобы получить невнятную астрологию. Брюса можно и нужно по праву считать первым российским профессиональным астрономом.

А вот, что по-настоящему поражает в судьбе этого человека, так это когда и как он успел им стать?! И не только астрономом, но также и математиком, инженером, географом, артиллеристом, ботаником, метеорологом... А еще руководил всем книгопечатанием того времени, организовал преподавание артиллеристского дела, распланировал послепожарную Москву, собрал коллекции, великолепную библиотеку из 1500 томов...

Когда 24 января 1722 года Петр Первый утвердил Табель о Рангах, то и тут мы видим руку Брюса, фактического его разработчика.

А воевал Брюс даже дольше самого Петра, поскольку участвовал в двух неудачных крымских походах под началом Голицына, фаворита правительницы Софьи. Состоял в петровских потешных войсках, а позже командовал совсем уж не потешным, но тогда еще беспомощным войском, которое Петр послал против шведов. Потом было поражение под Нарвой, и начало строительства новой сильной, боеспособной русской армии – тяжкого дела, в котором Брюс руководил передовыми, так сказать, рубежами, а именно созданием новейшей для того времени артиллерией.

И случилась Полтава, событие для русского самосознания грандиозное! Брюсу оно принесло главную награду страны – орден Андрея Первозванного.

Среди бесконечных военных походов Брюс умудрился снарядить экспедицию в Японию. Экспедиция, к сожалению, погибла. А еще у него в доме как-то путем образования «кабинет китайских редкостей», которые он, по-видимому, приобрел у купцов, побывавших в Китае, тогда совершенно закрытом для остального мира.

Побывал он и в роли дипломата, когда нужно было заключать мир со Швецией (длительный и тяжкий процесс) на максимально выгодных для России условиях. Благодаря Брюсу и Остерману Россия по Ништадскому миру получила Лифляндию (Северная Латвия и Южная Эстония. – *Прим. авт.*), Эстляндию (Северная Эстония. – *Прим. авт.*), Ингерманландию (Ижорские земли, то есть, земли по берегам Невы и юго-западному побережью Ладоги, сейчас часть Ленинградской области. – *Прим. авт.*), часть Карелии и Моонзундские острова.

Странный все-таки был человек... С виду образцовый петровский – не птенец уже, орел – суровый, властный, коварный, ловкий, не чуждый мздоимства. Однажды так «засветился» на «объедании казны», что Петру личным указом пришлось выдернуть своего друга из-под меча Фемиды. Да всякое бывало... Но Петр понимал, что такие голы, как у Брюса, дороже всех богатств, что Брюс сам по себе его петрово бесценное достояние, и что «ежели что чудное», неразрешимое обычным способом случается, то это к нему, к Якову Вилимовичу, который решение найдет.

Так было, например, при закладке Петербурга. Определив место для грандиозной стройки, Петр некоторое время все не решался ее начать. Переносил сроки, точно сомневался в чем-то. Хотя, в чем – понятно: тот же Брюс предупреждал государя, что место для города неподходящее, «гиблое», гнилое, чреватое в будущем эпидемиями. Но Петр твердо решил – городу быть, и Брюс, зная характер Петра, «подкинул» ему мысль о закладке Питера под тем же знаком Зодиака, под каким родился сам Петр – под знаком Блинецов. И пошло дело...

Впрочем, может быть, и это только легенда? Но она гораздо больше похожа на правду, чем многие другие, потому что неоспоримым фактом является так называемый «Брюсов календарь», или «планетник», весь построенный на сочетании астрономии и астрологии – астрономии и астрологии, и прославивший имя Брюса даже среди простого народа. Астрономии в нем гораздо больше, чем астрологии, хотя именно предсказательная часть возбуждает наибольший интерес. Но это только поначалу. Образованный читатель Календаря, потешившись прогнозами, надолго «застревает» в космологической части, в которой дана своего рода разметка жизни и труда на земле по солнечно-лунным циклам.

Нужно отдать должное соавтору Брюса в этой грандиозной работе – Василию Ануфриевичу Киприанову. Некоторые исследователи даже считают, что знаменитый календарь должен быть переименован в «Киприанов». Но это преувеличение. Брюс и Киприанов были именно соавторами, причем, Брюс, выступавший как куратор и руководитель проекта, отнюдь не принадлежал к числу тех, кто присваивает себе чужой труд. Во-первых, имя Киприанова он поставил на первой странице календаря, а во-вторых, сомневающимся отсылаю к переписке этих двух людей, в которой хорошо видна внесенная каждым из них лепта. Любопытно, что порой Киприанову, чтобы не тормозить работу, даже приходилось ездить за Брюсом в его многочисленных военных походах. «Брюсов календарь» (1709 год) – это настоящий феномен в русской истории и культуре. Соотношение астрономии и астрологии в нем вполне соответствует степени увлеченности этими сферами самим Яковом Брюсом. Предсказательная часть хороша для развлечения, даже скорее для *привлечения* людей к чтению всего этого труда. Впрочем, это лишь мое личное мнение. Чтобы читатель мог судить сам, просто приведу описание всех шести листов календаря, как оно и было дано в первом издании 1709 года.

Лист первый:

«Ново сия таблица издана, в ней же предложено вступление Солнца в 12 зодий приближно, такжеже восхождения и захождения Солнца, яко на оризонт сей, тако и со оризонта; еше же величество дней и ношей в царствующем граде Москве, яже имеет широту 55 градусов 45 минут; вычтена и тиснению предана обще, яко на едино лето, тако и на прочие годы непременно, повелением его царского величества, во гражданской типографии, под надзрением его превосходительства, господина генерала лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщанием библиотекаря Василия Киприянова: мая 2-го, 1709 г.»

Через полгода появился второй лист:

«Неисходима пасхалиа по ключевым пасхальным литерам. О празницех яже каждого лета преходят».

Третий лист и есть та самая прогностическая «привлекалочка»: «Преднаменование времени по всякой год по планетам; еше же не точно знаменованье времени, но и многих расположенных избранных вещей, которые деются от каждой сильнейшие и господствующие планеты, через кийждо год по вся четыре времени всего лета. Переведена с латинского диалекта из книги Иоанна Заган; чином же учрежденная и тиснению предана повелением его царского величества во гражданской типографии, в Москве 1710 г., под надзрением его превосходительства господина генерала лейтенанта и кавалера Якова Вилимовича Брюса». А внизу помещено: «Употребление всея таблицы с кругом солнечным и вруцелетием по 112 лет (то есть с 1710 по 1821 г.), по котрым осмотря лето желаемое и круг солнца, по оному обретати имаши господствующую планету и действы через весь год яже изъявлены под каждой планетой. Трудом и тщанием библиотекаря Василия Киприянова».

На этой части календаря с тех пор и до наших дней составляются всякие претенциозные прогнозы, например при желании можно почитать «Брюсов календарь на 2014 год». Лукавый Брюс посмеялся бы.

Четвертый лист – это «Предзнаменование действ на каждый день по течению луны в зодии»; ниже 12 знаков зодиака и Луны следуют три таблицы, из которых узнаем, когда следует «кровь пушать, мыслить почать, брак иметь или в жену пояти», в какое время нужно «кровь и жильную руду пушать, чины и достоинства воспринимать, долг платити, чтоб обсуждения не было, прение начати и в нем причины искати». Пятый и шестой лист – это по сути «ключи» к чтению и пониманию первых четырех.

Вот таким был календарь Брюса и Киприанова, а затем один за другим пошли переиздания, в которых каждая эпоха «отметилась» по-своему. Например, тот календарь, который часто выдают за подлинник – на 200 листах, – это издание 1875 года, осовремененная копия календаря времен Екатерины Второй, и предсказания в нем даются аж до 1996 года. У Брюса же, напомним – «употребление всяя таблицы с кругом солнечным и вруцелетием по 112 лет, то есть с 1710 по 1821 г.».

Брюсов календарь – это прекрасный справочник по лунно-солнечным циклам, служивший настольной книгой российским землепользователям не одну сотню лет. И чем сильнее современная цивилизация выбивается из естественных природных ритмов, тем ценнее кажется этот труд Брюса, его соавторов и помощников.

Еще при жизни царевича Алексея Брюс в свободное от военных походов время пытался приобщить того к астрономии, как впрочем, и самого Петра. И, прежде всего, к учению Коперника, первым популяризатором которого на Руси стал он сам. Однако дальше изучения эклиптических звездных координат цесаревич не продвинулся. Вообще, наука астрономия требует терпения, длительных наблюдений, тщательных и точных расчетов. Ни отец, ни сын по своим характерам и особенностям психики для этого не годились. Тогда-то, вероятно, у Брюса и родилась мысль суммировать многие полезные и уже проверенные знания и преподнести царевичу в виде такой вот астролого-астрономической разработки – календаря.

Кстати говоря, в трагедии противостояния отца и сына Брюс, естественно, бывший на стороне Петра, свою подпись под смертным приговором Алексею не поставил.

Для Петра Брюс был особенным, ценнейшим человеком. Преданный, талантливый, он всегда служил и своего рода «подручным справочником», а Петр знания впитывал, как губка. Петр порой поражал своих приближенных и иностранцев редкими и обширными познаниями (которые быстро нашептал ему Брюс). Император, например, мог подробно поведать, как «потемнение солнца примечать», «как сыскать

полус (полюс. — *Прим. авт.*), не имея инструментов, кроме циркуля и линейки (линейки. — *Прим. авт.*), а также продемонстрировать свои знания о строении Солнечной системы.

После смерти Петра Брюс смог, наконец, отдалиться от государственных дел и пожить так, как ему, наверное, всегда хотелось, и, прежде всего, заняться любимой астрономией. Тихо удалившись в свое имение, он работал над картами, словарями, переводами, учебниками...

Но именно в этот период и родилось большинство легенд, связанных с его именем. Чего он там сидит по ночам, когда все силы зла особенно активны и царствуют над миром?! — рассуждали местные крестьяне, видя свет под крышей Брюсова дома, где тот устроил себе обсерваторию, или со страхом подглядывая за барином, когда тот расхаживает по крыше с какой-то трубой. И столичные слухи приползли вслед за ним в его усадьбу Глинки: якобы есть у Брюса такая книга, в которой все про всех сказано, и никому-то эта книга в руки не дается, а запрятана она в некоей комнате, к которой никто и подойти не решается..., а зовется та книга Соломонова...

Когда-то, путешествуя по Европе, Петр Первый дивился разным механическим игрушкам. Особенно его удивляли ростовые (ростом с человека) куклы, которых мастера заставляли и ходить, и говорить, и улыбаться, то есть вести себя так по-человечески, что непосвященному человеку становилось не по себе. Император не решился даже у себя при дворе завести такие «человекоподобные механизмы», понимая, что может навлечь на себя осуждение Синода. Но одна такая кукла в Россию все-таки была привезена, и после смерти Петра оказалась в имении Брюса. Вероятно, ее увидел кто-то из прислуги, рассказал своим родным из деревни и... С тех пор прислугу в дом Брюса приходилось привозить из дальних деревень, местные боялись.

Страх наводил не только Брюсов дом, но и Брюсов парк. Деревья в нем якобы были посажены таким манером, чтобы можно было совершать магические ритуалы, например, заморозить

пруд среди жаркого лета или напротив, не позволить воде замерзнуть в лютую стужу. И это не легенды. Один из Куракиных — Алексей — во времена Павла Первого описывал, как его прадед, гостя в имении Брюса, катался «на полосьях» (видимо, на коньках или санках. — *Прим. авт.*) по Брюсову пруду в середине июля. Павел Петрович, кстати говоря, некоторые «брюсовы забавы» с удовольствием копировал. В Павловске приказывал один из прудов зимой засыпать толстым слоем опилок, а в мае, когда уже все вокруг цвело, этот слой стребали и несколько часов катались на коньках по сохраненному таким образом льду. Зимой же, напротив, залив воду концентрированной серной кислотой, очень быстро получали размороженную поверхность, пригодную для зимнего катания на лодках. Гости, конечно, бывали поражены, озадачены, а хозяин-цесаревич — доволен, поскольку имел в характере своем ту же «изрядную долю лукавства», что и сподвижник его прадеда Яков Вилимович Брюс.

Вот и привидение Брюса, говорят, посещает свои любимые Глинки столь же настойчиво, что и привидение Павла — бывший Михайловский замок. В Глинках (это в районе Момино. — *Прим. авт.*) сейчас работает музей Брюса. Экскурсоводы показывают одну из странных масок на фасаде дома — этакая гримаса, за которой трудно разобрать реальные черты лица — и поясняют, что это лицо самого Брюса, которое он, таким образом, здесь «зашифровал», чтобы и после смерти приглядывать за имением и его гостями. И про привидение тоже непременно упоминают. А значит, подшутить Якову Вилимовичу удалось не только над современниками, но и над потомками.

Жаль только, что весь этот полумистический туман до сих пор окутывает и подлинную личность этого удивительного человека, и его вклад в историю, науку и культуру России.